

Осада Федеральной резервной системы

С самого начала своего второго срока Дональд Трамп ведёт длительную осаду Федерального резерва. Непосредственная причина – неприятие президентом политики процентных ставок ФРС, которые последняя упорно удерживает выше 4 % с заявленной целью сдерживать инфляционные эффекты, вызванные введёнными Трампом тарифами. Президент хочет снизить ставки до 1 %. Его экономические советники утверждают, что экономике нужно дать больше топлива; стоимость заимствований должна быть ниже, чем у ЕЦБ (2 %); необходимы дальнейшее ослабление доллара для стимулирования экспорта, снижение стоимости ипотечных кредитов и сокращение расходов на обслуживание госдолга, которые в настоящее время равны расходам на оборону.

Эти аргументы предвосхищают ультраэкспансионистскую монетарную политику, которая будет накладываться на растущий в ближайшее десятилетие бюджетный дефицит и инфляционное давление тарифов. Трамп в ярости, потому что каждый процентный пункт ставки обходится государственному бюджету в 360 млрд долларов. Существует обоснованное подозрение, что экономия нескольких сотен миллиардов долларов на процентах поможет скрыть ущерб от его протекционизма и налоговых послаблений. Но за этой борьбой стоит и стратегическая ставка, касающаяся самой природы монетарной власти и её независимости.

Бёрнс, Кнот и Рикардо

Давление на центральный банк является постоянным и осуществляется как другими ветвями власти и международной системой государств, так и крупными финансовыми корпорациями. В истории ФРС показательным является неустанное давление президента Ричарда Никсона на Артура Бёрнса, возглавлявшего агентство с 1970 по 1978 год, задокументированное в записях Овального кабинета, оставленных самим президентом. Никсон опасался проиграть выборы 1972 года. Бёрнс уступил, снизил учётную ставку и расширил денежную массу. Никсон выиграл выборы, но именно на Бёрнса историки-монетаристы возлагают ответственность за инфляционную волну 1970-х годов – тезис, по меньшей мере, однобокий, учитывая глобальный масштаб этой волны, значительно усиленной нефтяным кризисом.

Вопрос независимости центральных банков постоянно поднимался после мирового финансового кризиса и во время европейского долгового кризиса. В своей речи в октябре 2013 года глава Центрального банка Нидерландов Клаас Кнот, опасавшийся, что «нетрадиционные» меры сделают центральные банки заложниками фискальной политики правительства, обратился к пророку классической буржуазной политической экономии. В начале XIX века *«Давид Рикардо объяснял, что предоставлять правительствам право выпускать бумажные деньги – не лучшая идея, поскольку, по его словам, правительства почти наверняка будут злоупотреблять этим правом»*. И если обстоятельства, например, военное время, потребуют больше денег, центральные банки, предупреждал Рикардо, *«никогда и ни под каким предлогом не должны давать правительству кредиты и ни в коем случае не должны находиться под его контролем или влиянием»*. Рикардо был голосом стоклордов – хозяев денег, торговой и промышленной буржуазии, которая во время Славной революции добилась создания Банка Англии, тогда как политическая власть оставалась в руках лендлордов – земельной аристократии. В эпоху империализма независимость центрального банка выражает уже иные комбинации.

Независимость монетарной власти

Концепция *«монетарной власти»* не сводится только к *«монетарным»* функциям центрального банка – таким, как установление стоимости денег, определение денежного количества, необходимого для обращения, или роль кредитора последней инстанции – хотя всё это входит в его прерогативы. В марте 1979 года Банк Италии потряс тяжёлый кризис. Римская прокуратура предъявила обвинение высшему руководству банка в личной заинтересованности и пособничестве. Заместитель генерального директора Марио Сарчинелли, глава надзорного органа, был арестован. Губернатор Паоло Баффи избежал тюремного заключения из-за возраста, но был вынужден уйти в отставку. Оба были

оправданы 2 года спустя. Туман скандала и тёмная подоплёка этих событий производили эффект ещё в течение многих лет.

Для марксистской науки это стало поводом прояснить ситуацию. Центральный банк, писал Арриго Черветто в апреле 1979 года, *«обладает только той властью, которую ему могут предоставить крупные финансово-экономические группы, а они могут предоставить её лишь в той мере, в какой она отражает баланс взаимоотношений и не склоняется чрезмерно в пользу одной группы. Согласно марксистской теории, эту власть можно рассматривать скорее как “монетарную”, чем как “финансовую”. [...] Во всех странах плюрализм “экономической власти” определяет плюрализм “политической власти” и “баланс властей” между различными институтами, так что “монетарная власть”, будучи централизованной в национальном банке, не делегируется, кроме как частично – “исполнительной власти”, как правило, казначейству, – а доверяется центральному банку, который, таким образом, оказывается удалён от политической конъюнктуры исполнительной власти».*

Таким образом, независимость центрального банка основана на его отделении от исполнительной власти и её «политической конъюнктуры» и отражает состояние равновесия между крупными финансовыми группами. Разрыв 1979 года стал следствием «химической войны», «усугублённой и обострившейся в условиях глобальной реструктуризации». Эта война затронула законодательную и исполнительную ветви власти, где «сталкивались, вплоть до паралича и постоянных электоральных обращений [...], интересы крупных химических групп и поддерживающих их финансовых центров». Банк Италии в конечном итоге «склонился в пользу IMI», группы, финансировавшей химическую компанию Rovelli-SIR. Нападение на Банк Италии «в этом контексте становится корректирующей мерой, направленной на восстановление баланса между крупными группами».

Несколько лет спустя “развод” между Казначейством и Банком Италии укрепил независимость последнего, освободив от необходимости обслуживания государственного долга, что стало предпосылкой для запуска процесса создания валютного союза.

С одной стороны, создание Европейского центрального банка расширило множество финансовых групп до континентального масштаба, дистанцировав федеральную монетарную власть от отдельных национальных “политических конъюнктур”, тем самым усилив её независимость, как позднее утверждал Марио Драги. С другой стороны, умножение финансовых групп осложнило баланс их взаимоотношений, который по-прежнему в значительной степени достигается через национальные центральные банки. Более чем десятилетний тупик в создании Европейского банковского союза выражает это противоречие.

Битва ФРС

Атака Белого дома на ФРС и её главу носит беспрецедентный характер и сопровождается непочтительными словесными нападками и публичными оскорблениями, исходящими лично от Трампа в СМИ и социальных сетях, особенно на его собственной платформе Truth Social. На твёрдую позицию ФРС, сохранившей процентные ставки, президент и министр финансов Скотт Бессент ответили требованием об отставке Джерома Пауэлла и представили ряд кандидатов, готовых его заменить. Бессент предложил назначить “теневую” председателя ФРС, который взялся бы опровергать и делегитимировать Пауэлла, оставляя того во главе до истечения мандата в мае 2026 года.

Возникла дискуссия о правовых полномочиях президента уволить главу центрального банка, и пока преобладает мнение, что Верховный суд не одобрит увольнение, если Пауэлл не совершал уголовных преступлений. Это привело к обвинению Пауэлла в «мошенничестве» – будто бы он потратил на реконструкцию зданий ФРС больше денег, чем было заложено в бюджете Конгресса. Обвинение оказалось настолько надуманным, что Трамп, похоже, отложил его в сторону. Вместо этого он, похоже, делает ставку на отсутствие консенсуса внутри центрального банка.

На последнем июльском заседании FOMC (органа, определяющего процентные ставки) два назначенца Трампа (Мишель Боуман и Кристофер Уоллер) впервые проголосовали против большинства. Из исполнительного органа досрочно, за несколько месяцев до окончания мандата, ушла Адриана Куглер, сторонница Пауэлла. В начале августа Трамп уволил

комиссара Бюро статистики труда (BLS), опубликовавшего пессимистичный отчёт о занятости. Данные BLS имеют ключевое значение для конъюнктурного анализа центрального банка. Теперь Трамп подписал увольнение Лизы Кук, ещё одного члена исполнительного органа, обвинённой в фальсификации документов для получения выгодных условий ипотечного кредитования. Цель – запугать и дезорганизовать коалицию Пауэлла, которая пока держится крепко, оказываясь самым упорным из внутренних и внешних противников Трампа. Черветто писал в цитируемой выше статье: *«История показала правящему классу, что фракции легче захватить казначейство, чем центральный банк»*.

Предложение по реформированию ФРС

Попытка Белого дома навязать ФРС свою волю в вопросах процентных ставок сопровождается попыткой радикально ограничить её полномочия. В одном из первых указов Трампа от 18 февраля заявлено о намерении вновь централизовать под *«исполнительной властью президента» «независимые регулирующие агентства»*, которые до сих пор действовали *«с минимальным президентским надзором»*. В указе говорится, что это не будет распространяться на ФРС *«в её деятельности по монетарному управлению»*, но будет касаться её деятельности, *«связанной с надзором и регулированием финансовых учреждений»*. Следует отметить, что первое существенное вмешательство исполнительной власти происходит именно в монетарное управление; а надзорные и регулирующие операции являются важнейшими функциями для осуществления *монетарной власти*, обеспечивая баланс во взаимоотношениях между финансовыми группами.

Стивен Миран, автор соглашения “Мар-а-Лаго” (“Пролетарский интернационалист”, апрель 2025 г.), возглавлявший Совет экономических консультантов (СЕА) при Трампе, был повышен до должности в совете директоров ФРС, сменив ушедшую в отставку Куглер. В настоящее время распространяется его статья, написанная в марте 2024 года для нью-йоркского Manhattan Institute, в которой предлагается реформировать систему управления ФРС. Примечательно, что соавтором статьи является Дэн Кац – руководитель аппарата министра финансов Бессента. Миран и Кац резко критикуют ФРС, обвиняя её в том, что она перестала осуществлять технократическое руководство и взяла на себя функции политического лидера.

«Политическая независимость» ФРС представляется ими *«по сути своей антидемократической»*. Необходимо *«пересмотреть систему управления ФРС»*, установив новый баланс между усилением президентского контроля над Советом управляющих и укреплением системы региональных ФРС, которые следует национализировать, передав их председателям право формировать советы директоров, которые в настоящее время избираются региональными бизнес-сообществами. Согласно предложению Мирана – Каца, 12 региональных банков ФРС смогут голосовать на каждом заседании, а не поочерёдно, как это происходит сегодня, *«уравновешивая возросший контроль Белого дома над Советом управляющих ФРС»*. Эта система называется *«монетарным федерализмом»* и предполагает изменение баланса сил при голосовании по ставкам между ФРС и её региональными агентствами с нынешних 7 к 5 в пользу Совета управляющих – до 12 к 7 в пользу региональных агентств. Срок полномочий членов Совета управляющих и руководителей региональных агентств должен быть сокращён до 8 лет, и, прежде всего, *«должна иметься возможность отстранения их всех от должностей по желанию президента для обеспечения их подотчётности демократическому процессу»*. Это предложение бросает открытый вызов независимости центрального банка, а также авторитету и финансовой стабильности Соединённых Штатов. Оно ставит под угрозу две важнейшие характеристики монетарной власти – её отделение от исполнительной власти и централизацию. Эта попытка отражает глубокие изменения, охватившие финансовую систему: рост числа влиятельных небанковских групп и гигантов частного инвестирования, не котирующихся на фондовой бирже среди финансовых гигантов; распространение самоуверенных “клубов”, сочетающих высокие технологии с частной эмиссией цифровых валют; безудержный рост выпуска государственных и частных облигаций, предвещающий шоковые реструктуризации и монетизации долга.

Июль – август 2025 г.